

А.Н. Лобин
(Санкт-Петербург)

РЕЛЯЦИИ ЯГЕЛЛОНСКОГО ДВОРА О БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ 1514 ГОДА.

8 сентября 1514 г. на широком поле близ Орши сошлись польско-литовские войска под командованием князя К. И. Острожского и гетмана Я.Сверчевского и русская рать воевод И. А. Челядина и М. И. Булгакова-Голицы. В ходе продолжительного боя воеводы государя Василия Ивановича потерпели жестокое поражение. Это была первая крупная полевая победа Великого княжества Литовского в противостоянии Российскому государству. Уже через несколько дней в ставке короля, в лагере под Борисовым («*in castris apud Borissow*») были составлены победные реляции.

По сообщению венецианского посла в Венгрии доктора Антонио Сурьяни, одно из первых посланий получил венгерский король Владислав. Сообщение от Сигизмунда датировано 12 сентября. Вести с литовско-русского фронта в Венецию доходили достаточно оперативно — за полторы недели. Венецианская синьория узнала от польского короля о грандиозном сражении, в ходе которого из 80 000 врагов 30 000 убито в сражении, 8 главных воевод и консилариев («*vayvodse et consiliarij*»), 37 князей, баронов и знатных дворян, помимо этого 1500 воинов попало в неволю [1. P. 157, 180, 252-253.].

Эти же сведения канцелярия короля внесла в послания от 14 сентября магистрам Тевтонского и Ливонского Орденов. [2. №20209-20210; 3. P.363]. Важно заметить, что информацию о битве власти Пруссии и Ливонии получали не только из хвалебных посланий ягеллонского двора. В собрании Ordens-Briefarchiv (ОВА) Государственного тайного архива прусского культурного наследия (Das Geheime Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz) имеется несколько донесений осведомленных о событиях на русско-литовском фронте лиц. Разведка у крестоносцев работала неплохо, поэтому первые известия о «большом сражении на Днепре (в оригинале река названа Нера – «*an der Nere*» - А.Л.)» дошли до динабургского комтура от Вильгельма Рингенсберга из Пскова в сентябре (письма датированы 16 и 17 сентября 1514 г.). Сведения отражали слухи и сообщения, дошедшие с оршанского поля до Пскова. В письмах был также приведен «список пленённых московитов» («*Verzeichnis der gefangenen Moskowiter*»). 21 сентября сообщение о сражении «поляков и московитов» великий магистр получил от епископа Фабиана Эрmlandского (Bischof Fabian von Ermland). Комтур Динабурга переслал ливонскому магистру письмо одного из участников сражения Ивана Сапеги (от 7 октября). 14

октября о «большом сражении московитов» («grosse Moskowitzschlacht») ливонского магистра извещал фогт Зелбурга, который узнал о битве из рассказов агентов и наемников [2. №20215, 20219, 20241, 20242]. Таким образом власти Ливонии и Пруссии были достаточно осведомлены о положении дел на русско-литовском фронте.

Между тем из борисовского лагеря продолжали рассылаться победные реляции. Следующее письмо из было отправлено 18 сентября Папе Римскому Леону X, однако число пленных дворян указано ещё больше: 2000 ч. Послания с известиями о победе почти одновременно получают епископ Ян Конарский и кардинал Джулио Медичи [4. P.181, 183, 186-187]. 29 октября канцелярия Сигизмунда составляет новое послание великому магистру о дальнейших успехах оружия против московитов, в котором говорилось о переходе под власть короля Мстиславля, Кричева и Дубровно [2. S. 65, №20251].

Попутно в послании архиепископу Яну Ласскому 25 сентября 1514 г. король озвучил другие цифры: он якобы видел «простерты на 8 римских миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч» («hostium cadavera ad octo miliaria veluti frugum manipulos strata et ipso loco pugne super sedecim millia») [4. P.184-185].

Канцелярия Сигизмунда в своих действиях не была последовательна и еще не определилась с окончательным «подсчетом» потерь противника, однако поспешила распространить первые официальные известия, в которых отсутствовала какая-либо целостная картина битвы. Данные о численности войск брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять тем или иным сведениям, вышедшим из-под пера королевской канцелярии с одной целью — с помощью «тьмочисленных» цифр произвести грандиозное впечатление.

Распространение сведений о 80 000 разбитых схизматиках касалась только европейских стран. Своих восточных союзников Сигизмунд оповещал о победе без использования каких-либо цифр. Хвастливые речи о разгроме «80 000 московитов» могли вызвать насмешку у Гиреев, хорошо знавших вооруженные силы своих врагов. В послании от 18 ноября Махмет-Гирею Сигизмунд писал, что с Божьей помощью, «поразивши войска» неприятеля, литовские войска пошли под Смоленск «и весь тот край пустошили» [5. S.327-438; 6. С.574]. О победе сказано слишком лаконично, всего одной строчкой, а основная часть послания посвящена планам по совместным действиям против Василия Ивановича. О численности разбитого врага вообще не говорилось.

Одновременно с этим посланием было составлено письмо Махмеду Амину, казанскому хану. Сражение описано уже не одной, а несколькими строчками: «...сами с ним велики ступны бой мели, и з Божеию помощью войско его все на голову есмо поразили...замки наши ... к нашей руке взяли». О трофеях сказано, что взяты в плен «и воеводы и князи и пановие

его радныи», однако ни о численности разгромленного врага, ни о количестве убитых или захваченных в плен также ничего не говорилось [5. S.439; 6. С.575].

Здесь интересно отметить двойственность позиции короля. Казалось бы, триумф Оршанской битвы открывал перед ним широкие возможности разгрома опасного соседа. В сентябрьских сообщениях Сигизмунд ещё надеялся по горячим следам отвоевать Смоленск. Когда авантюра провалилась, то тон в посланиях стал менее воинственен. В ноябрьском послании крымскому хану в ноябре 1514 г. Сигизмунд писал о том, что время настало «непогодливое», поэтому «мусили есмо войско нашо земьское распустити, а другое войско нашо жольнерское чужоземцов конных и пеших положили есмо на замьках наших украиньных у Полоцку и в Витебску. А как реки и болота померзнут, а тыи люди наши конем троху опочинут, казали есмо им в землю неприятеля нашего тягнути, шкоды чинити и обеды наше мстити, сколко нам Бог поможет, про то и естли бы сын твой, брат мои Махмет Гирей солтан, всо на конь свой всел, а на того неприятеля твоего и нашего потягнул» [5. S.327-438; 6. С.574].

Если крымского хана Менгли-Гирея король спешил обнадёжить обещаниями начать боевые действия в следующем году, то своего брата — венгерского короля Владислава — в то же время просил быть посредником в примирении с сильным соперником [4. P.159; 7. С.251]. Сигизмунд прекрасно понимал, что после роспуска «посполитого рушения» по домам собрать на новую кампанию 1515 г. войска будет ещё сложнее, чем в 1514 — м, а русские не преминут начать ответные военные действия. Осознавал также король и великий князь Литовский, что уничтожить главные силы «московитов» у него не получилось.

Когда князь К. И. Острожский неудачно пытался взять Смоленск, потеряв под стенами крепости много людей и часть обоза, то перед канцелярией были поставлены следующие задачи: во-первых, сгладить неудачу под Смоленском, во-вторых, усилить пропагандистский эффект от Оршанской битвы.

Уже в следующем, 1515-м году, победные реляции были изданы во многих европейских типографиях. В новых известиях, предназначенных для просвещённых европейцев, особо подчёркивалась роль «польских легионов, превосходящих и искусностью в военном деле, и силой духа и тела» («*legionesque polone, et rei bellice peritia et animi corporisque fortitudine superiores*») [4. P.5]. Авторы реляций и панегириков не смутил тот факт, что оршанский победитель князь Острожский, как и многие его подчинённые, были православными, т. е. теми самыми «схизматиками».

О воинах Великого княжества Литовского (*Lithuani*) либо вообще не упоминалось, либо упоминалось вскользь, поляки (*Poloni*) же в таких летучих листках выступали форпостом католического запада в борьбе против «схизматиков». С начала 1515 появилось большое количество

поэтических произведений, посвященных триумфу Сигизмунда. Известные в те годы литературные деятели – Ян Дантишек, Андрей Критский, Кшиштоф Сухтен и другие авторы – написали несколько поэтических произведений на тему «разгром московитов». Отдельным изданием архиепископ Ян Ласский издает в 1515 г. сборник «Песен о памятном поражении схизматиков московитов» («*Carmina de memorabili caede scismaticorum Moscoviorum*»). Но фактическая достоверность поэм, воспевающих победу над «схизматиками» гораздо слабее их литературно-художественной выразительности. Исключение составляет, пожалуй, ода «*Cantilena ejusdem victoriae rem summarie cōtinens*», которая была написана вскоре после Оршанской битвы. [4. Р.197]. Как отметил историк Е.И.Кашпровский это поэтическое произведение содержит ряд достоверных данных, которые проверяются «официальными актами» [7. С.251].

Под пером публицистов и хронистов сражение обросло новыми «подробностями». Кратко смысл содержания рассказов можно передать следующим образом. Король польский и великий князь литовский собрал 30-35 тыс. воинов и направил отборное войско против Московита. На берегах Борисфена воссияла слава польского оружия: мощь высокомерного врага разбилась о стойкость легионов К.И.Острожского и Я.Сверчевского; из 80 тысяч схизматиков погибло уже не тридцать тысяч, а сорок, число пленных достигало двух тысяч дворян. Помимо этого было «захвачено лошадей вражеских 20 000 и много другой военной добычи» («*equorum hostilium XX milia et cetera spolia militibus distribute*») [4. Р.6].

Естественно канцелярия Сигизмунда Старого изрядно постаралась, чтобы затушевать неудачу под Смоленском описанием масштабов «великой битвы» и её последствий. Разгром мифических «80 000 схизматиков» автоматически означал, что Литва и Польша спасена от «нашествия орд московитов».

Польский историк Иероним Граля отмечает: «Начинания ягеллонской дипломатии были в то же время рассчитаны на дискредитацию союза, подрыв веры венского двора и его сателлитов в пользу союза с якобы окончательно покоренным монархом, на подчеркивание действительной мощи его победителя и создания среди европейских монархов климата доброжелательности в отношении христианского монарха, в одиночку спасшего латинский мир от вторжения "врагов святой римской церкви"» [9. С.46].

К сожалению все пропагандистские известия, вышедшие из-под пера ягеллонской канцелярии, переключались на страницы исторических исследований. Традиционная версия событий о грандиозном разгроме восьмидесятитысячной армии московитов почти в три раза меньшими силами великого князя Литовского была изложена в классических трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Современные историки часто

используют клише, созданное их предшественниками.

Любой исследователь знает, что в ситуации, когда штампы прочно вплелись в ткань исторических повествований, достаточно сложно докопаться до истины. В связи с вышеизложенным хочется отметить, что при работе с таким тенденциозным источником как победные реляции, необходимо тщательно проверять содержащуюся в них информацию, выявлять явные политические пристрастия и недостоверные сведения. В ряде работ нами были предложены новые подходы в изучении Оршанской битвы, которые позволяют по-новому осветить малоизвестные аспекты сражения и его политических последствий [10, С.61-64; 11 С.18-41; 12, С.111-115].

Литература

1. I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI-MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. T. XIX. Venezia, 1887.
2. Das Geheime Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. Ordens-Briefarchiv.
3. Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ad bibliotecis extraneis. Petropoli, 1848.
4. Acta Tomiciana: epistole, legationes, responsa, actiones, res geste Sigismundi I Regis Poloniae. T.III. Posnaniae, 1853.
5. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469-1515): akta i listy. Warszawa, 1881.
6. Книги справъ посельскихъ, такъ тежъ данинъ и инъшихъ листовъ поточныхъ за панованья Короля Его Милости Жикгимонта Старого // РГАДА. Фонд 389 (Литовская метрика). Описание 1. Часть 1. Кн. 7.
7. Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507 — 1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн.Безбородко. Вып.II. Нежин. 1899.
8. Carmina de memorabili caede scismaticorum Moscoviorum. [S.I.], 1515.
9. Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992.
10. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana=Петербургские славянские и балканские исследования. 2009 № 1-2.
11. Лобин А.Н. К вопросу о численности и составе польско-литовской армии в битве под Оршей в 1514 г. // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010.
12. Лобин А.Н. Мифы Оршанской битвы // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. №9. 2010.